СТРАНИЦА ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ЛѢТОПИСИ ЧЕРНЯЕВЫХЪ.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія дѣдъ мой, Григорій Никитичъ Черняевъ служилъ оберъ-форшмейстеромъ въ Бендерахъ, гдѣ въ то время появилась чума. Люди мерли какъ мухи, въ горячечномъ бреду иногда вырывались изъ дому и бѣгали по городу какъ безумные, разнося заразу. Для избѣжанія этого, домà, гдѣ, проявлялся больной, окапывались глубокой канавой, въ которой медицинскій обходъ часто. находилъ свалившіеся, иногда закоченѣвшіе трупы. Всѣ, и здоровые, и больные сидѣли безвыходно по домамъ, провизія ежедневно развозилась по городу и крючьями подавалась въ окна.

Дѣдушка, вмѣстѣ съ докторомъ, по обязанности службы своей, обходилъ городъ. Для этого оба они облачались въ особенный костюмъ, сдѣланный изъ кожи и вымазанный дегтемъ. Послѣ обхода Григорій Никитичъ омывался и окуривался въ особомъ для этого отведенномъ помѣщеньѣ, смѣнялъ свой мрачный костюмъ на обычное платье и тогда только входилъ къ семьѣ своей, со страхомъ и съ трепетомъ ежедневно ожидавшей его возвращенія. Заболѣвшіе часто падали мертвыми прямо на улицахъ. Особо снаряженные для этого люди, также облеченные въ коженныя, пропитанныя дегтемъ одежды, желѣзными крючьями подымали лежавшіе трупы, складывали ихъ на телѣги и везли за городъ, гдѣ сваливали въ общія ямы-могилы, которыя затѣмъ заливались известью.

Недѣль черезъ шесть, болѣзнь стала стихать, и жизнь по немногу вошла въ обычную колею. Никто изъ семьи нашей не пострадалъ во время этого ужаснаго мора.

Въ это время изъ родового имѣнья Григорія Никитича стали приходить все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Братья его, служившіе въ гвардіи, сильно поколебали общее состояніе, требуя значительныя средства на свои расходы. Петръ Никитичъ, управлявшій обоими имѣньями, тоже много тратилъ ради своей молодой красавицы-жены, Польки и продалъ имѣнье Кривую. Дѣдушка мой Григорій Никитичъ рѣшилъ, что такъ далѣе продолжать нельзя, подалъ въ отставку, отправился въ Могилевскую губернію и поселился въ Тубышкахъ съ цѣлью спасти остатки семейнаго достоянія.

Когда князь Воронцовъ вздумалъ замѣнить Маріуполь другимъ торговымъ портомъ и обратилъ вниманіе для этой цѣли на небольшой приморскій поселокъ Бердянскъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ рыбачьихъ хижинъ, то выборъ его палъ на Григорія Никитича, для предпринимаемаго имъ дѣла. Изъ Тубышекъ, склонившись на призывы князя Воронцова, дѣдъ мой поѣхалъ одинъ и прожилъ въ Бердянскѣ, усердно работая болѣе года. Затѣмъ, нанявъ тамъ лучшій домикъ и обставивъ его по возможности уютнѣе, онъ отправился за семьею и перевезъ въ Бердянскъ жену, дѣтей, вѣрную Софи (добраго генія семьи) и крѣпостныхъ людей обоего пола для различныхъ по дому услугъ. Предусмотрительность дѣдушки касательно устройства семьи своей доходила до такихъ подробностей, что во дворѣ приготовленнаго помѣщенія онъ велѣлъ насыпать цѣлую гору морскихъ ракушекъ для забавы дѣтей.

Упомянувъ о Софи, не могу не остановиться подробнѣе на этой прекраснѣйшей и преданнѣйшей семьѣ Черняевыхъ личности. Она родилась въ состоятельной семьѣ, жившей въ небольшомъ городкѣ Лекенуà, Сѣвернаго департамента Франціи, гдѣ отецъ бабушки моей Филиппъ Лекюйе былъ меромъ. Софи Давасъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду была взята въ домъ родителями бабушки, гдѣ она выросла въ качествѣ ея друга и оставалась до ея замужества. Послѣ свадьбы она должна была сопровождать бабушку въ ея новое отечество, Россію, а затѣмъ при случаѣ вернуться обратно во Францію. Приблизительно въ 1829 г., когда отцу моему, Михаилу Григорьевичу, шелъ второй годъ отъ рожденія, Черняевы поѣхали со всѣми дѣтьми въ сопровожденіи Софи во Францію, въ городокъ Лекенуà, посѣтить любимыхъ и многочисленныхъ родныхъ бабушки. Будучи слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, отецъ мой къ тому же сильно заболѣлъ въ дорогѣ. Тогда Софи, неусыпно за нимъ ухаживавшая, дала обѣщаніе, если онъ выздоровѣетъ, никогда не покидать Россіи. Ребенокъ поправился, и Софи, вѣрная своему обѣту, посвятила всѣ силы своего любвеобильнаго сердца семьѣ подруги своего дѣтства. Она очень скоро научилась говорить порусски и изъяснялась на этомъ языкѣ гораздо лучше бабушки. Съ деревенской жизнью она также очень быстро освоилась. Все домашнее хозяйство, ключи отъ амбаровъ, уходъ и надзоръ за дѣтьми были на ея рукахъ.

И въ настоящее время въ Могилевской губерніи много засѣвается льна, и крестьяне занимаются кустарнымъ производствомъ холста. Неутомимая Софи занималась и этою отраслью домашняго хозяйства. Въ ея характерѣ счастливо сочеталась необычайная кротость съ большою энергіею. Дочери бабушки любили ее больше родной матери. Никто и никогда не видѣлъ ее въ сердцахъ, а къ дѣтскимъ шалостямъ она относилась съ нѣжною снисходительностью.

Завѣдуя между прочимъ обширнымъ домашнимъ птичникомъ, положитъ, бывало, она яйца подъ куръ, младшія же дѣвочки сгонятъ ихъ, наберутъ себѣ полные подолы платьевъ яйцами и принесутъ ихъ съ тріумфомъ къ Софи. Та, увидѣвъ это, всплеснетъ руками съ возгласомъ: „ахъ вы, мои милыя, ахъ

вы мои хорошія, что̀ вы надѣлали“, но увидѣвъ вытянувшіяся личики маленькихъ проказницъ, тотчасъ сама станетъ утѣшать ихъ. „Ну, разъ дѣло сдѣлано, то эти яйца мы пустимъ въ расходъ по хозяйству, а куръ посадимъ на другія“. Тѣмъ все и кончалось. Дѣти были всецѣло отданы на попеченіе Софѝ, такъ какъ бабушка мало ими занималась. Черезъ нѣкоторое время по пріѣздѣ дѣдушки въ Бердянскъ, когда городъ началъ обстраиваться, а его торговля оживляться, князь М. С. Воронцовъ выразилъ Григорію Никитичу желаніе, чтобы былъ выстроенъ домъ для присутственныхъ мѣстъ. Не получая на это ассигновки и желая немедленно исполнить волю своего начальника, Григорій Никитичъ рѣшилъ строить домъ на приданое жены своей (получившей отъ родителей около тридцати тысячъ франковъ) расчитывая, что казна заплатитъ ему за сдѣланные имъ расходы. Большое, двухъэтажное зданіе было выстроено, пріѣхала коммиссія, и домъ почему-то казною былъ отвергнутъ. Дѣду моему ничего не оставалось, какъ сдѣлаться владѣльцемъ злополучнаго дома и поселиться въ немъ, хотя онъ былъ слишкомъ обширенъ для семьи его и скромныхъ ея средствъ. Большой залъ раздѣлялъ домъ на двѣ половины, въ одной помѣщались дѣдушка съ бабушкой, въ другой дѣти подъ надзоромъ Софѝ. Дѣти въ малолѣтнемъ возрастѣ приводились къ родителямъ только здороваться, затѣмъ обѣдали и проводили время подъ наблюденіемъ Софѝ. Дочери, когда подросли, отправляемы были въ пансіонъ, въ Одессу, ближайшій большой городъ, сыновья въ кадетскіе корпуса въ Петербургъ.

Старшій братъ моего отца, Филиппъ, когда окончилъ корпусъ, поступилъ въ полкъ, стоявшій въ Каширѣ. Отецъ мой вмѣстѣ съ сестрой, бывшей на годъ его моложе, двѣнадцати лѣтъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ Дворянскій полкъ, а сестра его въ пансіонъ Заливкиной. Наконецъ, младшаго своего сына, Николая, Григорій Никитичъ отправилъ въ Петербургъ въ малолѣтнее отдѣленіе Павловскаго корпуса, шести лѣтъ отроду. Сцена прощанія была раздирающая: сестры, хотя тоже были малолѣтки, рыдали разставаясь съ крошкой-братомъ. Отвозила дѣтей таже благодѣтельная и неусыпная Софѝ. Николай Григорьевичъ, послѣ этого впервые возвратился въ Бердянскъ уже восьмнадцатилѣтнимъ юношей, получившимъ офицерскій чинъ. Въ большомъ залѣ была собрана вся семья, замужнія его сестры съ супругами. Онъ не зналъ никого изъ своей кровной родни. И вотъ, чтобы прервать это тягостнѣйшее положеніе, одна изъ сестеръ его, Елисавета Григорьевна стала по очереди называть всѣхъ присутствовавшихъ. Въ своемъ домѣ Григорій Никитичъ, какъ начальникъ города и порта, гостепріимно и хлѣбосольно принималъ весь городъ. У него же, останавливался пріѣзжавшій часто князь М. С. Воронцовъ. Однажды прибылъ онъ съ супругой своей. Зная любовь князя къ древонасажденіямъ, Григорій Никитичъ отвелъ пятнадцать десятинъ на краю города подъ городской садъ и обратилъ пустынную, песочную полосу въ цвѣтущій, тѣнистый уголокъ. На краю этого сада онъ купилъ себѣ четыре десятины, тоже засадилъ ихъ деревьями и построилъ небольшой домикъ, гдѣ семья его проводила жаркое лѣто, переѣзжая туда на нѣсколько недѣль.

Когда дѣдъ мой пріѣхалъ въ Бердянскъ, вся торговля съ Средиземными портами шла черезъ Таганрогъ, Ѳеодосію и Маріуполь, отстоящій отъ Бердянска на 75 верстъ. Но мѣстные Маріупольскіе купцы вели сильную конкуренцію съ пріѣзжавшими Греками и Итальянцами, которые и устремились тотчасъ въ Бердянскъ, какъ только тамъ, по ходатайству князя Воронцова, была открыта таможенная застава въ 1836 году. Ничтожная до того отправка хлѣба въ одинъ годъ возрасла почти до 200.000 тысячъ четвертей зерноваго хлѣба. Длинная, въ нѣсколько миль песчаная коса, вдающаяся въ море, образуетъ возлѣ Бердянска великолѣпную бухту для стоянки судовъ. Лѣтомъ и позднею осенью городъ оживляется пріѣздомъ иностранцевъ, преимущественно изъ Грековъ и Итальянцевъ; стали строиться дома, а главнымъ образомъ одинъ за другимъ выростали большіе хлѣбные кирпичные амбары, куда изъ ближайшихъ и дальнихъ мѣстъ, даже изъ Малороссіи, складывалось привозимое зерно. Иностранцы жили въ Бердянскѣ лѣтомъ и осенью, а затѣмъ на зиму уѣзжали во свояси. Городъ оживлялся особенно къ Покрову, когда всѣ полевыя работы были окончены. Улицы представляли собою по разнообразію пріѣзжаго люда самую пеструю картину. Здѣсь встрѣчались Греки, Итальянцы, Нѣмцы-Колонисты, переселенные изъ Пруссіи, Армяне, Жиды, Ногайцы, Болгары, Татары. Громадныя площади, окаймленныя низенькими домиками и амбарами, къ этому времени почти сплошь заставлялись телѣгами и даже колясками пріѣзжихъ чумаковъ и поселянъ изъ окрестностей. Волы и лошади отпрягались и паслись на горѣ, то есть на возвышенности, составляющей какъ бы вторую ступень морскаго берега, на нижней, низменной песчаной полосѣ котораго расположенъ Бердянскъ. Здѣсь скотъ пасся привольно и безплатно, на земляхъ въ то время не имѣвшихъ хозяина. Днемъ, а особенно ночью, городъ освѣщался множествомъ костровъ, на площадяхъ у каждаго обоза; тутъ пріѣхавшіе иногда съ семьями своими варили себѣ пищу. Часто тамъ происходили ссоры и драки, но весьма быстро прекращаемы были однимъ появленіемъ начальства. На главной площади, на которую выходилъ единственный въ то время двухъэтажный домъ дѣдушки, находилась небольшая, крытая соломой церковь. Въ этой церкви вѣнчались сестры Михаила Григорьевича. Неподалеку отъ нея, Григоріемъ Никитичемъ былъ заложенъ и выстроенъ большой, прекрасной архитектуры соборъ. Бабушка ѣздила въ Католическій костелъ, для чего запрягалась большая, старая вороная лошадь, обязанность которой ограничивалась только этой поѣздкой. Старшій братъ Михаила Григорьевича, Филиппъ Григорьевичъ, большой шутникъ, увѣрялъ, что для этой лошади и вожжей не нужно: стóитъ ее только запречь, и она сама будетъ знать, куда ей направиться.

Ближайшія поселенія къ Бердянску были въ то время заняты Нѣмецкими колонистами и Ногайцами. Эти послѣдніе жили въ землянкахъ, вмѣсто крыши покрытыхъ дерномъ. Лѣнивые и безпечные, но очень честные, они цѣлый день валялись у своихъ жилищъ, отдавая обширныя земли въ аренду за самую ничтожную плату. Поселки ихъ издали подходили на кучу земляныхъ бугорковъ, окруженныхъ благодатными плодородными степями. Нѣмец-

кія колоніи конечно имѣли гораздо болѣе благоустроенный видъ. Тамъ были заведены фруктовые сады, виноградники, выстроены каменные домики крытые черепицей. Болгарскія поселенія тоже отличались благоустройствомъ.

Крымская кампанія, всколыхнувшая всю Россію, мало отразилась на этомъ тихомъ уголкѣ Азовскаго моря; только Григорій Никитичъ, неусыпно трудившійся надъ его процвѣтаніемъ, жестоко пострадалъ. Лѣтомъ, во время Севастопольской обороны, семья Черняевыхъ проживала на дачѣ, возлѣ городскаго сада, какъ вдругъ на рейдѣ появились два иностранныхъ военныхъ судна. Дѣдъ мой немедленно отправилъ семью свою въ степь, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Бердянска, въ село Большой Токмакъ, а самъ со ста пятьюдесятью казаками остался наблюдать за охраной и порядкомъ въ городѣ. Иностранные моряки, увидѣвъ съ борта своихъ кораблей пасущійся на горѣ за Бердянскомъ скотъ, потребовали его (6 головъ) себѣ на дневное продовольствіе. Купцы не осмѣлились отказать имъ въ этомъ и доставили требуемое. Григорій Никитичъ не могъ взять на себя безрасудное распоряженіе воспрепятствовать купцамъ доставить непріятелю скотъ, изъ опасенія, что, въ случаѣ отказа, городъ будетъ преданъ разрушенію и вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ громадное количество сложеннаго въ Бердянскихъ амбарахъ зерноваго хлѣба, уже запроданнаго на продольствіе нашей арміи. На слѣдующій день непріятельскія суда ушли, и дѣдъ мой донесъ обо всемъ происшедшемъ графу Николаю Владимировичу Адлербергу. На это воспослѣдовало распоряженіе отъ главнокомандующаго привести виновныхъ купцовъ въ Симферополь, заковавъ ихъ въ цѣпи, всѣмъ жителямъ Бердянска удалиться изъ города, а дѣду моему со своими казаками препятствовать силою оружія, если непріятель появится въ портѣ и вздумаетъ сдѣлать дессантъ. Дѣдъ мой повиновался безъ возраженія этому удивительному распоряженію. Къ счастію все обошлось благополучно, и ему не пришлось съ сотнею казаковъ отражать морскія и сухопутныя нападенія непріятеля.

По окончаніи войны, едва семья Григорія Никитича водворилась въ своемъ домѣ и все въ городѣ вошло во обычную колею, какъ къ нему, нежданно-негаданно, является полковникъ Дельвô и объявляетъ, что онъ назначенъ начальникомъ города Бердянска и его порта и явился принять отъ своего предшественника всѣ дѣла. Это неожиданное оскорбленіе, послѣ стольких трудовъ, поразило бѣднаго, семидесятилѣтняго старика какъ громомъ. Съ нимъ едва на сдѣлался нервный ударъ, но богатырское здоровье выдержало душевную муку. Онъ былъ выпущенъ въ отставку съ производствомъ въ чинъ генералъ-маіора, съ мундиромъ и съ пенсіей въ пятьсотъ рублей. Послѣ этого роковаго событія Григорій Никитичъ рѣшилъ ѣхать въ Тыбушки и тамъ закончить дни свои. Домашніе его стали дѣятельно готовиться къ отъѣзду, все было уложено, даже большой дорожный экипажъ снаряженъ и поданъ къ крыльцу. Съ Григоріемъ Никитичемъ и женой его должны были ѣхать его двѣ младшія незамужнія дочери и вѣрная Софй. Но бабушка не могла разстаться съ двумя замужними дочерьми, проживавшими въ Бердянскѣ, упросила мужа своего не покидать ихъ, и дормезъ былъ отложенъ. Дѣдушка при-

несъ эту жертву женѣ своей, въ которой души не чаялъ. Но вся послѣдующая жизнь его въ Бердянскѣ, длившаяся еще тринадцать лѣтъ (онъ скончался въ 1869 г.) была медленной агоніей, тѣмъ болѣе тяжелой, что онъ былъ вынужденъ переносить полное бездѣйствіе, послѣ столь дѣятельной и трудовой жизни. Черняевы стали жить тихо и уединенно, по недостатку средствъ. Григорій Никитичъ старался наполнить и разнообразить время свое чтеніемъ и охотой и, доживъ до восьмидесяти лѣтъ, стрѣлялъ безъ промаха и читалъ безъ очковъ. Судьба двухъ младшихъ его дочерей, Надежды и Анны, лежала тяжелымъ камнемъ у него на душѣ. Вечеръ онѣ проводили въ гостинной за рукодѣліемъ, Григорій же Никитичъ съ женой и Софи сидѣли въ залѣ, играя каждодневно въ карты. Дѣдушка за картами волновался и кипятился ужасно; затѣмъ, чтобы поразмять ноги, начиналъ ходить по залѣ и гостинной и, часто остановившись надъ склоненными надъ работой дочерьми, молча хваталъ себя за волоса и затѣмъ снова станетъ ходить взадъ и впередъ. Лучами свѣта, прорѣзывающими хмурую атмосферу дома Черняевыхъ, были пріѣзды замужнихъ дочерей съ мужьями и дѣтьми, а въ особенности появленіе рѣдкаго сравнительно гостя, сына ихъ Михаила Григорьевича, сильно привязаннаго къ родителямъ своимъ и горячо любимаго ими.

Несмотря на кочевую жизнь свою, бросавшую его то въ степи Средней Азіи, то на Кавказъ, то на берега Дуная, въ Молдавію и Валахію, то на бастіоны Севастополя, то въ Сербію, онъ постоянно стремился улучить время для посѣщенія своихъ престарѣлыхъ родителей. Пока тяжесть служебныхъ несправедливостей еще не давила Михаила Григорьевича, онъ, по разсказамъ сестеръ своихъ, отличался необыкновенно веселымъ характеромъ и смѣшливостью. Однажды, пріѣхавъ въ Бердянскъ, онъ отправился въ городской клубъ, гдѣ одинъ Грекъ такъ разсмѣшилъ его, что онъ хохоча прибѣжалъ домой безъ шапки и отъ неудержимаго смѣха буквально упалъ на полъ.

Въ 1869 году Григорій Никитичъ скончался, но не въ домѣ построенномъ имъ (который былъ имъ вскорѣ проданъ послѣ полученія отставки), а въ маленькомъ вновь пріобрѣтенномъ домикѣ, болѣе соотвѣтствовавшемъ его средствамъ и небольшому тогдашнему составу семьи его. Онъ уже давно страдалъ печенью, но такъ какъ это была болѣзнь хроническая, то за нѣсколько дней до смерти ничего особеннаго окружавшая его семья не замѣчала. Однажды ночью одна изъ дочерей его была встревожена послышавшимся сверху изъ кабинета стономъ испугавшимъ ее, потому что у отца ея бывали припадки страданія печени. Когда вошли въ кабинетъ Григорія Никитича, онъ объявилъ, что чувствуетъ себя крайне плохо. Немедленно послали за докторомъ, который заявилъ о ракѣ печени и безнадежномъ положеніи больного. Черезъ нѣсколько дней жестокихъ страданій его не стало. Онъ скончался въ полной памяти, предварительно исполнивъ послѣдній долгъ христіанина и трогательно простясь со всѣми окружающими. „Поставьте, дѣтки, надъ моей могилой дубовый крестъ, никакихъ памятниковъ мнѣ не надо“, было его завѣщаніемъ. Священникъ, его духовникъ и почитатель, распорядился похоронить его на

почетномъ мѣстѣ, возлѣ кладбищенской церкви. Когда же первые приступы отчаянія прошли, семья вспомнила, но уже слишкомъ поздно, о томъ, что Григорій Никитичъ нѣсколько разъ выражалъ желаніе упокоиться на выступѣ городскаго кладбища, расположеннаго на горѣ господствующей надъ городомъ, съ котораго былъ видѣнъ, какъ на ладони, весь Бердянскъ и портъ его.

Рядомъ съ могилой Григорія Никитича находятся еще двѣ другія: его жены, скончавшейся тридцать лѣтъ спустя, и вѣрной Софи, „нашей святой старушки", какъ называли ее сестры Михаила Григорьевича*). Въ слѣдующемъ ряду семейной ограды похоронена одна изъ младшихъ дочерей дѣдушки Екатерина.

Послѣ кончины отца своего, Михаилъ Григорьевичъ не прекратилъ посѣщеній Бердянска, пріѣзжая навѣщать мать и сестеръ. Софи скончалась вскорѣ послѣ дѣдушки. Однажды отецъ мой пріѣзжалъ съ братомъ своимъ Николаемъ Григорьевичемъ, а въ первые годы послѣ женитьбы привезъ жену свою съ тремя старшими дѣтьми-малолѣтками, проведшими въ Бердянскѣ все лѣто. Въ послѣдній разъ онъ посѣтилъ Бердянскъ по окончаніи Сербской войны, когда, послѣ годоваго скитанія за границей, получилъ наконецъ разрѣшеніе вернуться въ Россію и, представившись Государю въ Кишиневѣ, долженъ былъ отправиться на Кавказъ. Ѣхалъ онъ туда съ тяжелымъ сердцемъ, предполагая, что никакого командированія тамъ не получитъ, въ чемъ онъ и не ошибся, въ Бердянскъ же заѣхалъ по пути. Городомъ и его жителями было сдѣлано все, что̀ было возможно для оказанія восторженнаго пріема бывшему главнокомандующему Сербскихъ силъ. Духовенство приготовило торжественную встрѣчу въ соборѣ, народъ неотступно толпился передъ скромнымъ домикомъ Черняевыхъ, время отъ времени требуя появленія Михаила Григорьевича и сопровождая эти появленія долго несмолкаемыми ура. Проводы воодушевленіемъ своимъ не уступили встрѣчѣ. Отбывъ изъ Бердянска на пароходѣ въ Таганрогъ, Михаилъ Григорьевичъ былъ встрѣченъ и тамъ тѣми же восторженными оваціями. Послѣ этого жизнь его сложилась такъ, что ему больше не довелось побывать въ Бердянскѣ.

Въ настоящее время въ Государственной Думѣ прошелъ проектъ объ углубленіи Маріупольскаго порта. Какая участь предстоитъ его сопернику, Бердянску, выросшему при управленіи Новороссійскимъ краемъ княземъ Воронцовымъ, который нашелъ въ Григоріи Никитичѣ практически осуществившемъ его мысль такого ревностнаго единомышленника? Теперь Бердянскъ соединенъ желѣзною дорогой съ Лозово-Севастопольской линіей; широко рас-

*) Намъ извѣстенъ еще примѣръ Француженки, которая усвоила себя Россіи. Это была мадемаузель Элали (Евлалія), долго жившая домохозяйкою у младшаго изъ сыновей Пушкина, Григорія Александровича, въ историческомъ Михайловскомъ. Мѣстное населеніе любило ее, а крестьяне прозвали *ай-люли*. Она выучилась по-русски, возымѣла приверженность къ памяти поэта и не только оберегала его могилу, но изъ своихъ сбереженій завѣщала деньги на училище имени А. С. Пушкина въ Петербургѣ. П. Б.

кинулся онъ на песчаномъ, низкомъ берегу лазореваго моря, правильно распланированный еще дѣдомъ моимъ. Низенькій, бѣленькій, тихій, весь состоящій, за рѣдкими исключеніями, изъ небольшихъ домиковъ, обсаженныхъ съ улицы опять таки низкими бѣлыми акаціями, весною сплошь покрытыми бѣлыми же цвѣтами, разливающими чудный ароматъ, онъ полгода грѣется на яркомъ полуденномъ солнцѣ. Съ Сѣвера онъ защищенъ высокимъ уступомъ, тянущимся вдоль моря, горою, какъ его тамъ называютъ, съ которой открывается чудный видъ на весь городъ, лежащій у его подножья, на сверкающее море и на длинную, вдающуюся въ него косу, возлѣ которой возникаетъ купальное заведеніе съ лечебными грязями и свѣтлѣютъ соленыя озера.

Изъ семьи Черняевыхъ тамъ доживаютъ свой вѣкъ двѣ сестры Михаила Григорьевича, Надежда и Анна Григорьевны. Онѣ похоронили всѣхъ близкихъ и милыхъ сердцу и благоговѣйно хранятъ ихъ могилы, посѣщая дорогихъ покойниковъ на городскомъ кладбищѣ, возлѣ бѣлой, старой кладбищенской церкви, на высокой горѣ, господствующей надъ засыпающимъ городомъ, надъ пустующимъ портомъ.

Антонина Черняева.

Тыбушки
24-го Іюня
1909 г.